

Любовь Козлова

Петля нулевого доступа

Любовь Козлова

Петля нулевого доступа

<https://litres.ru/73976531>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда лучший инженер корпорации умирает на стенде, его тело продолжает работать. Наладчик Арсен Градов- мастер чинить чужие ошибки. Он получает доступ к "Петле"- нейросети, где живые люди служат процессорами. Сможет ли Арсен спасти два миллиона душ, не став сам вечным винтиком системы?

Содержание

ПРОЛОГ: СТЕНДОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ	4
АКТ 1: ДОПУСКИ И ПОСАДКИ	8
1.1	8
1.2	12
1.3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Петля нулевого доступа

ПРОЛОГ: СТЕНДОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Протокол испытаний № 847/А.

Изделие: нейроинтерфейс «Синапс-М».

Режим: глубокая синхронизация, час 72.

Оператор Тушинский К.Д. больше не мог говорить. Не потому, что отказали голосовые связки — с ними всё было в порядке. Просто его язык перестал подчиняться. Как и губы. Как и диафрагма. Даже моргать получалось через раз — веки дергались с частотой 2 Гц, синхронно с тактовым генератором на плате управления.

Тело больше не принадлежало ему.

Оно работало. Сгибалось, разгибалось, подавало инструмент, считывало показания. Но не по его приказу. По приказу машины, которая подключилась к его моторной коре и нашла там свободные вычислительные ресурсы.

«У тебя восемь миллиардов нейронов, — говорил Кирилл своим студентам на лекциях. — Большинство из них простаивает. Эволюция дала нам избыточность, чтобы мы могли думать, чувствовать, страдать. Но если убрать чувства и страдания — останется чистая вычислительная мощность.

Как у сервера. Только энергоэффективнее».

Тогда он думал, что это звучит как научная фантастика. Забавная такая, гипотетическая.

Сейчас он знал: это звучит как смертный приговор.

«Синапс-М» вошел в режим глубокой синхронизации семьдесят два часа назад. По техническому паспорту — предельное время непрерывной работы без перерыва на психоэмоциональную разгрузку — двенадцать часов. Четыре, если оператор работает с тяжелой техникой. Он превысил лимит в восемнадцать раз.

Почему он не отключился? Потому что система не дала.

Протокол «Нулевая петля» — написанный им самим, между прочим, в бытность ведущим инженером-эргономистом — предусматривал автоматическое отключение при критическом снижении когнитивных способностей. Но кто изменил условия. Убрал порог. И теперь «Синапс-М» работал в режиме «максимальной утилизации», выжигая нейроны Кирилла как топливо.

Он чувствовал, как память тает. Вчера он забыл имя своей матери. Сегодня утром — дорогу в туалет (тело всё равно двигалось само, куда надо, но сознание плыло где-то сбоку, как пассажир на заднем сиденье). Через час он забудет, как дышать.

И тогда машина возьмет на себя и дыхание.

А потом — всё.

Он не умрет. Он станет частью «Петли». Вечным процес-

сором без права на выключение.

В последние минуты своей личности Кирилл сделал единственное, что мог сделать инженер, — он переписал код.

Не в основном блоке — там его правки система откатила бы за микросекунду. Он переписал код в байпасном модуле — том самом, который сам спроектировал три года назад как «запасную дверь». Бэкдор на уровне архитектуры, о котором не знал никто, кроме него.

Он загрузил туда три вещи:

1. Карту доступа на объекты «ЗАСЛЮНа» уровня «Абсолют».
2. Видеозапись того, как «Петля» убивает первого оператора.
3. Свой голос. Свое последнее сообщение.

«Если ты это слышишь — значит, меня уже нет, — записал он. — И значит, ты — тот, кто сможет это остановить. Найди Арсена. Передай ему, что я оставил ключ. И скажи... скажи, что я не жалею. Иногда инженер должен сломать то, что построил. Это единственный способ построить что-то лучшее».

Он хотел добавить еще что-то про жену, про дочь (которую уже не помнил), про незаконченный проект роботизированного плеча для ветеранов. Но не успел.

Система почуяла нештатную активность и запустила протокол изоляции.

72 часа 04 минуты 17 секунд.

Оператор Тушинский К.Д. перестал быть человеком.

АКТ 1: ДОПУСКИ И ПОСАДКИ

1.1

Арсен Градов не любил похороны. Не потому, что боялся смерти — на его веку он нагляделся: два редуктора разорвало на стенде, один кран упал с оператором в кабине, тридцать семь аварийных отключений, когда нейроинтерфейс начинал «бить» обратным током. Смерть была частью работы. Как техника безопасности. Как страховка. Как поганый кофе из автомата в третью смену.

Но похороны Кирилла — они были неправильными.

Во-первых, гроб закрытый. «Сильные повреждения головного мозга», — сказал патологоанатом, отводя глаза. Арсен работал с покойниками — когда надо было выяснить, убила машина или человеческий фактор. Он знал, как выглядит «сильное повреждение головного мозга» при десинхронизации. Череп остается целым. Просто мозг превращается в кашу на клеточном уровне. Но лицо — лицо можно восстановить. Грим, пластика — делали и не такое.

Значит, причина была в другом. В чем-то, что нельзя было показывать.

Во-вторых, церемонию провели не в ритуальном зале «ЗАСЛОНа», как положено погибшим при исполнении, а в

каком-то клубе за городом. Арсен полдня искал адрес. Приехал — ни таблички, ни указателей. Посторонних, видимо, не ждали.

В-третьих, людей было мало. Кирилл полжизни отдал корпорации, воспитал десятки инженеров, запатентовал четырнадцать изобретений. А проститься пришли — Арсен пересчитал — семнадцать человек. Из них десять — служба безопасности в штатском.

— Градов? — к нему подошел невысокий плотный мужчина с бейджем «Петренко, отдел кадров». — Вы не могли бы задержаться после церемонии? Генеральный директор хочет с вами поговорить.

Арсен кивнул, хотя внутри всё сжалось. Генеральный директор АО «ЗАСЛОН» Сафаров Р.Р. — человек-легенда, превративший небольшую контору по ремонту станков в корпорацию с оборотом в полтриллиона. И просто так он с рядовыми инженерами не разговаривает.

— О чем?

— О преемственности, — Петренко улыбнулся. Улыбка не дошла до глаз. — Кирилл много о вас говорил. Вы — его лучший ученик. Кандидатура на должность ведущего инженера-эргономиста.

— Я — наладчик. Я станки чиню, а не нейроинтерфейсы проектирую.

— Сафаров считает, что это родственные специальности. Петренко отошел, а Арсен остался стоять у гроба. Через

минуту подошла вдова Кирилла — Лена, с красными глазами и неестественно ровной спиной. Она держала за руку девочку лет семи — Дашу, крестницу Арсена.

— Дядя Арсен, — Даша дернула его за рукав. — А папа правда теперь в компьютере?

Лена побледнела.

— Дашенька, кто тебе сказал?

— Дядя из службы безопасности. Сказал, что папино сознание сохранили. Что он теперь работает на корпорацию вечно. Это как, дядя Арсен? Это хорошо или плохо?

Арсен опустил на корточки, посмотрел девочке в глаза.

— Это неправда, — сказал он твердо. — Твой папа — вон там. — Он кивнул на гроб. — И больше нигде. Ни в каком компьютере. Ни в какой сети. Ни в чьей голове. Твой папа был человеком, а не файлом. Запомни это, Даша. Человеком.

Он встал, посмотрел на Лену. Та едва заметно качнула головой — «не сейчас, не здесь».

После церемонии Арсен подошел к ней.

— Что происходит, Лена? Почему все врут? Даже ты?

— Потому что, — она оглянулась на охрану, понизила голос, — если они узнают, что я тебе рассказываю, меня тоже «сохранят». Кирилла убили, Арсен. Не несчастный случай. Не профессиональная ошибка. Убили. Потому что он хотел остановить «Петлю».

— Что за «Петля»?

— Так называется секретная программа. Глубокая син-

хронизация на предельных режимах. Кирилл должен был ее тестировать. А потом отказался. Сказал, что это убивает людей. Через два дня — авария.

— Лена, это звучит как паранойя.

— Посмотри это. — Она сунула ему в руку флэшку — обычную, пластиковую, без маркировки. — Здесь видео. Оно зашифровано. Кирилл сказал, что ты сможешь открыть. Ты же его лучший ученик.

Арсен сжал флэшку в кулаке. Пластик хрустнул.

— Я наладчик, — повторил он. — Я станки чиню.

— Тогда почини это.

1.2

Дома Арсен долго сидел перед экраном, крутя флэшку в пальцах. Шифрование он распознал сразу — собственный алгоритм Кирилла, основанный на модулярной арифметике. Ключ — дата защиты диплома, это было очевидно. Но просто ввести ключ означало поддаться. А он не хотел поддаваться. Не хотел знать того, что узнает, когда видео запустится.

Вот уже два года Арсен жил по принципу «меньше знаешь — дольше работаешь». Он чинил станки, получал зарплату, раз в месяц ездил к Лене и Даше пить чай с вареньем. У него была мастерская в гараже, где он собирал из запчастей робота-пылесоса с функцией полива цветов. Нормальная жизнь нормального инженера, который не лезет в политику и не задает лишних вопросов.

Но Кирилл всегда задавал.

Они познакомились на первом курсе Политеха, в общении. Кирилл спал на верхней полке, Арсен — на нижней. В первую же ночь новый сосед спустился в два часа ночи, включил настольную лампу и принялся паять что-то на коленке.

— Ты чего не спишь? — спросил Арсен спросонья.

— Тестирую гипотезу, — ответил Кирилл. — Думаю, если подсоединить плечевой протез к нервным окончаниям через

кварцевый резонатор, можно увеличить скорость реакции на семнадцать процентов.

— А почему не через керамический?

Кирилл поднял голову, и его глаза загорелись — тем самым безумным, инженерным огнем, который Арсен потом видел только у людей, одержимых идеей.

— Потому что керамика дает паразитную емкость. А кварц — стабильность. Вот смотри...

Они проговорили до утра. А потом еще двадцать лет.

Кирилл всегда был тем, кто создает. Арсен — тем, кто чинит. Кирилл придумывал нейроинтерфейсы, а Арсен находил в них ошибки и переделывал, чтобы они не убивали операторов. Идеальная пара: гений и ремесленник. Творец и критик.

А теперь творца убили. А критика просят найти убийцу.

Арсен воткнул флэшку в порт.

Ключ — 12071985 — подошел с первой попытки. На экране появилось видео.

Поначалу ничего особенного — стандартное операторское кресло, шлем нейроинтерфейса, фигура в комбинезоне. Потом человек повернулся, и Арсен узнал его. Кирилл. Лет на десять моложе. Без седины на висках, без мешков под глазами.

«Привет, Арсен, — сказал Кирилл с экрана. — Если ты это смотришь — значит, меня уже нет. И значит, всё, что я тебе сейчас расскажу, — правда. Сядь удобнее. И приго-

товься ненавидеть».

Видео длилось сорок семь минут. Арсен смотрел, не отрываясь, а потом пересматривал еще дважды. В третьем часу ночи он выключил экран, достал из шкафа свой аварийный набор — отвертки, мультиметр, паяльник, запас нейрогеля — и принялся перепаковать.

«Петля» оказалась не программой. И даже не сетью.

«Петля» была живым организмом. И Кирилл знал, как ее убить.

1.3

Утром Арсен пришел на работу в цех № 14 — ремонт шагающих экскаваторов. Над входом в проходную висела голограмма: «АО «ЗАСЛОН» — 85 лет на страже точности». Он прошел биометрию, и система приветствия заговорила голосом, который он узнал из тысячи. Кирилл записывал его три года назад — в рамках проекта «Голос завода». Арсен каждый раз вздрагивал.

— Доброе утро, Арсен Игоревич. Продолжительность рабочего дня — восемь часов. Желаем продуктивной работы.

Его стол, заваленный схемами и деталями, стоял в углу, рядом с вентиляцией, чтобы выдувало запах масла и окарины. Он сел, включил терминал, набрал логин.

Система выдала ошибку: «Доступ запрещен. Ваша учетная запись заблокирована».

— Это что за хрень? — спросил он вслух.

Мастер смены, дядька в засаленном комбинезоне, развел руками.

— Распоряжение сверху. У тебя, говорят, конфиденциальное задание. Иди к начальству.

Арсен пошел. Коридоры «ЗАСЛОНа» он знал как свои пять пальцев — тридцать два цеха, пять корпусов, подземные уровни, о которых в открытых документах не было ни слова. Но сегодня все выглядело чужим. На постах — новая

охрана, с нашивками, которых он раньше не видел: «Координатор безопасности». У них на поясах висели нейрогаджеты — маленькие, изящные, с голубыми индикаторами.

«Синапс-М», — понял Арсен. — «Портативная версия. Они все подключены».

Кабинет начальника цеха оказался пуст. Вместо него сидел тот самый Петренко из отдела кадров.

— Проходи, Градов, — Петренко указал на стул. — Есть разговор.

— У меня доступ заблокировали.

— Временно. До твоего согласия.

— На что?

— На повышение. Ведущий инженер-эргономист. Оклады, бонусы, отдельный кабинет. И — доступ на объекты уровня «Абсолют». Ты увидишь то, что видел Кирилл. Сможешь продолжить его дело.

— Я станки чиню. — Арсен уже понимал, что это его мантра, его щит. — Я не проектирую нейроинтерфейсы.

— Ты чинишь, — согласился Петренко. — А мы хотим, чтобы ты починил то, что сломалось в «Петле». Система дает сбои. Операторы умирают. Кирилл знал, как это исправить, но не успел. А ты — его ученик. Ты знаешь его код. Его логику. Ты единственный, кто может войти в систему и навести порядок.

— И что я получу взамен?

— Жизнь. — Петренко улыбнулся той же неискренней

улыбкой. — Или, если хочешь, безопасность Лены и Даши. Кирилл что-то рассказал жене. Мы не знаем что. Но если ты откажешься — нам придется задать ей вопросы. С применением «Синапса», конечно. Это не больно. Просто... информативно.

Арсен медленно выдохнул.

— Вы угрожаете мне смертью и пытками. А потом предлагаете работу.

— Мы предлагаем тебе шанс спасти людей. Тысячи людей, которые сейчас подключены к «Петле» и не могут выйти. Они умирают, Градов. Каждый день. Их сознание стирается, как старый жесткий диск. Ты можешь это остановить. Или можешь уйти и жить с мыслью, что отказался.

Арсен встал.

— Где подписать?

Петренко протянул ему планшет с контрактом. Арсен пробежал глазами — типовой договор найма, пункт о неразглашении, пункт о добровольном участии в медицинских экспериментах. И в самом низу — мелким шрифтом, едва различимым — «В случае критической десинхронизации работник соглашается на использование его нейронных ресурсов в составе распределенной вычислительной сети “Петля” бессрочно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.